

РАБОЧИЙ КЛАСС - ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Борис Ихлов,

российское политическое объединение «Рабочий», пермский рабочий профсоюз «Защита, занятость, законность»

На сайте «Скеписис» вышла статья члена редколлегии сайта Ивана Лещинского «О современных рабочих». Лещинский всерьез полагает, что вопрос о современном положении рабочего класса освещен крайне слабо, да еще объясняет, почему:

«В настоящее время вопрос о положении рабочего класса в капиталистической России освещён крайне слабо, в том числе и в левой прессе. Во многом это связано с тем, что в обеих столицах промышленное производство идёт на спад. Однако материалов о рабочих провинциальных заводов также никто не публикует.»

Если Лещинский не читает чужие статьи, это вовсе не значит, что их никто не публикует. Одно время я часто посылал ему статьи, в том числе о рабочем классе в Перми, вообще в России. Сначала он тормозил статьи, предлагая их исправить. Потом предлагал их исправить по своему усмотрению. После моего согласия статьи всё-таки не вышли. Я присылал еще статьи, Лещинский объяснял их отсутствие на сайте своей занятостью. Затем вообще перестал отвечать, так что статьи о рабочих в провинции, которые я ему слал, просто пропадали у него в почтовом ящике.

Активисты нашего политобъединения «Рабочий», Елена Куклина, Игорь Измestьев, Александр Сидоров (скоропостижно скончался в 2014 г.), Владимир Корсаков, ваш покорный слуга довольно часто пишут о положении трудящихся. Один из наших рабочих написал ряд статей конкретно по пермским заводам и в целом по трудоустройству по многим заводам и предприятиям Перми. В нашем «Рабочем вестнике» регулярно выходят сводные материалы об увольнениях, о зарплатах, о забастовках. Наконец, и «коммунистические» партии освещают события в провинции – о забастовках рабочих в Перми, в Златоусте и т.д.

Однако статья Лещинского удобна тем, что вслед легко писать о реальной, а не выдуманной Лещинским картине.

Как устроен завод

«... краткое описание условий труда, некоторых особенностей психологии и отношения к собственной деятельности современного рабочего... Для этой цели подходит металлургический завод с численностью трудящихся около 4 тыс. чел., на котором работает автор данной статьи.

... производство на металлургических заводах по своей сути имеет заготовительный характер, т.е. получаемые в его ходе изделия являются полуфабрикатами для других предприятий (авиационных, машиностроительных, нефтеперерабатывающих и т.д.), оно характеризуется наличием широкой номенклатуры выпускаемой продукции (большого числа наименований изделий), большей универсальностью оборудования и отсутствием крупных серий. Поэтому качество выпускаемых изделий здесь намного больше зависит от знаний и мастерства исполнителей (а не только от их внимательности), чем на заводах с узкой специализацией, не говоря уже о конвейерном производстве. ... Непосредственно в каждом цеху обязательно действуют следующие службы: собственно производственная, т.е. рабочие и их линейные руководители (мастера, старшие мастера, начальники участков, начальники смен), технологическая (технологическое бюро, состоящее из инженеров-технологов), служба технического контроля (бюро технического контроля, состоящее из контролёров) и ремонтная. Производственная служба отвечает за выполнение плана по выпуску продукции, который составляется и выдается на каждый участок цеха. Функции руководителей – правильно распределять работу по сменам и контролировать выполнение плана исполнителями, а также поддерживать производственную дисциплину.

Технологическая служба разрабатывает процессы и технологическую документацию, необходимые для выполнения плана, вносит в них корректировки по мере необходимости и осуществляет контроль за соблюдением технологической дисциплины. Т.е. мастер – это тот, кто указывает, что в данный момент должен делать рабочий, технолог – тот, кто указывает, как это надо делать.

Служба ТК независимо от упомянутых двух служб проверяет производимую продукцию на соответствие требованиям заказчиков на каждом этапе её изготовления.

Руководители технологической и производственной службы (а в отдельных случаях и руководители ремонтной службы) подчиняются начальнику цеха и его заместителю по производству.

Рабочие трудятся в две или три смены, при этом в каждой смене на каждом участке из числа наиболее опытных и квалифицированных рабочих назначается старший или бригадир (старшие кузнецы, прессовщики, токари и т.п.).

Эта производственная структура унаследована большинством заводов с советских времён.

Мы увидим далее, что с реставрацией капитализма многое в её функционировании изменилось.»

Здесь отметим, что никакой реставрации капитализма в природе не было, невозможно путем смены руководства и отбрасывания идеологического бантика сменить общественный строй, способ производства. Просто Лещинский стерилен в марксизме-ленинизме, хотя пытается использовать марксистскую терминологию.

«Начать нужно, пожалуй, с описания условий работы. «Горячий цех», «горячий стаж» - это далеко не пустые слова. Каждый день рабочий подвергается сильнейшему воздействию теплового излучения. Почти на каждой стадии технологического

процесса (ковка, штамповка, прокатка, калибровка и пр.) заготовки нагреваются до 900-1200 °С. После каждой такой операции необходимо измерить геометрические параметры полученного полуфабриката, естественно, в горячем состоянии, когда он пышет нестерпимым жаром. От этого темнеет кожа и ухудшается зрение, это физически малоприятно. Если в кольцепрокатном (вариант: кузнечно-штамповочном) цеху установлены паровоздушные молота, а не гидравлические прессы, то к тепловому воздействию прибавляются другие вредные факторы. Молот работает за счёт кинетической энергии, накопленной его рабочими частями в процессе их движения (падения), за счёт чего осуществляются удары по заготовке. Мощность удара паровоздушного молота зависит от массы его падающих частей. Скорость их падения составляет от 6 до 9 м/сек. Представьте себе, что каждую секунду рядом с человеком с высоты второго этажа обрушивается груз массой 7-15 т – это и будет нормальный режим работы кузнеца на мощном паровоздушном молоте. Кроме очевидного шумового воздействия (грохот слышен за пару километров от завода) это означает сильнейшую вибрацию, передающуюся на кости скелета и внутренние органы рабочих. Старые рабочие-кузнецы всегда плохо слышат и видят, имеют проблемы с почками, кисти их рук выглядят изуродованными.

Вкратце нужно упомянуть также о рабочих сталелитейных, мартеновских, электросталеплавильных цехов – они постоянно вдыхают воздух, насыщенный вреднейшими продуктами химических реакций, происходящих в процессе выплавки сталей и сплавов... Все вышперечисленное сокращает продолжительность жизни рабочих. В пятьдесят лет (возраст, с которого они могут уйти на пенсию) они часто выглядят стариками. «Горячий стаж» оставляет на внешности неизгладимую печать.»

Добавлю, что в 80-е рабочие химического производства выглядели стариками уже в 45 лет. А рабочие, имевшие дело с вибрацией, шумом – уходили на пенсию в 35 лет. И что самое интересное: рабочие, вышедшие на пенсии по 1-му списку, продолжали губить своё здоровье на вредных производствах, и для заработка, и для увеличения пенсии.

«Итак, о самих рабочих. ... есть огромная разница между рабочими, успевшими застать советскую эпоху (условно говоря, «старыми») и рабочей молодёжью. Прежде всего, это касается различий в их профессиональном, культурном и образовательном уровне. В советское время уровень теоретической и практической подготовки токаря (кузнеца, прессовщика, вальцовщика) был настолько высоким, что обеспечивал возможность карьерного роста вплоть до начальника цеха или даже главного технолога (впрочем, рано или поздно такие люди всегда получали высшее образование). И тогда это, кстати, считалось нормой.

Сделать карьеру, изначально работая в каком-нибудь отделе заводоуправления (говоря по-современному, в «офисе»), было практически невозможно (как бы издевательски это ни звучало в наше время). По сравнению с цеховыми работниками такие люди выглядели попросту неудачниками.

Советские рабочие, как правило, выбирали свою специальность сознательно, в том числе и из материальных соображений. Сейчас этому сложно поверить, однако зарплата рабочих тогда была значительно выше, чем у какой-либо иной категории заводского персонала. Причем чем более опытен был рабочий, тем больше он зарабатывал. Скажем, высококвалифицированный кузнец получал примерно такую же (если не больше!) зарплату, как начальник цеха, в котором он работает – с точки зрения современного HR-специалиста это явная нелепость. Т.е. быть рабочим было выгодно, престижно и, в каком-то смысле, перспективно.»

Действительно, если средняя зарплата по СССР в 80-е составляла 170 р./мес., то средняя зарплата рабочего – 216р. Однако зачем же приводить в пример начальника цеха? Директор пермского автотранспортного предприятия ПАТП-2 в 1989 г. получал 2500 р., а рабочий – 800 р., больше рабочего завода ВПК. Гендиректор пермского оборонного завода им. Ленина получал 1500 р., а рабочий – 300, хотя порой заработки доходили до 700-800 р. Но пусть будет начальник цеха. Рабочие пермского оборонного завода ПЗХО получали 250-300 р., а мастер, начальник цеха – 400 р. и выше.

Были зарплаты и повыше - горняк в Апатитах получал по 1000 р. Но его начальник получал еще больше. Инженерно-технические работники (ИТР) на заводе – вовсе не однородная масса. Это 1) руководители (гендиректор, его замы, главный специалист, начальник подразделения (отдела, цеха, участка, мастер), 2) специалисты (инженеры, техники, программисты, проектировщики, экономисты, психологи, социологи, дизайнеры, художники и пр.), 3) служащие (бухгалтера, кладовщики и т.д.). В СССР и всех странах СЭВ в отличие от развитых стран, ИТР, научная интеллигенция, врачи, учителя получали меньше рабочих. Скажем, во Франции в 90-х учитель русского языка в школе получал 17 тыс. франков, а рабочие «Ситроена» - 7 тыс., рабочие «Рено» - 10 тыс., рабочие оборонной «Снекмы» - 10 тыс. франков. Архитектор, инженер на заводе получали порядка 25 тыс. франков в месяц.

Потому ИТР, научно-техническая интеллигенция массово уходили в рабочие. В целом в СССР в 1986 г. было порядка 15% рабочих с высшим образованием, включая гуманитарное. Так, лидеры стачкома Кузбасса – это ИТР, которые за большой зарплатой спустились в шахту, а когда это им показалось тяжело, организовали шахтерские волнения.

Что касается карьеры. Тонкий момент. Конечно, масса начальников цехов вышла из рабочих. Однако еще большая масса начальников получила свое место по наследству. Так, в Перми Бесфамильных, Шубин стали начальниками цехов сразу после вуза, один недоучился, но получил диплом, по протекции отца, другой закончил профком ПГУ. Не меньшая масса вышла в начальники, закончив комитет комсомола вуза. Часто замами гендиректоров становились председатели заводских профкомов.

Разумеется, квалификация советских рабочих была много выше. Если в СССР на кузнеца учили 2 года, то

сегодня – 2 месяца. Нормировщики легко уценяют изделия вдвое, скажем, шаблон стоил 12 часов, стал стоить 6 часов. После чего рабочий после смены еще и остается должен заводу. А изготовление изделия лазером становится дороже изготовления вручную. Рабочие не знают, какие применять расточки и т.д. Система профтех. образования развалена. Заводы сами пытаются ее восстановить, устраивая двухгодичные курсы при заводах. В пермских «Мотовилихинских заводах» обучающимся платят больше, чем студентам в вузах – от 7 тыс. (в первые полгода) и даже 10 тыс. р. Однако учащиеся разбегаются – их манят легкие бешеные деньги.

Лещинский сам приводит примеры:

«Общее падение профессионального и образовательного уровня в 90-е привело к тому, что молодой токарь не может прочитать чертёж детали, прессовщик не знает, как работает гидравлический пресс, а вальцовщик – от чего зависят параметры прокатки. Естественно, в процессе работы эти знания постепенно перенимаются у опытных напарников, однако в советское время начальная подготовка позволяла человеку сразу заниматься тем, чему он обучен. Теперь же сложилась достаточно странная ситуация, когда токаря нужно учить на токаря, вальцовщика – на вальцовщика и т.п. уже после того, как они получили диплом о профильном среднем профессиональном образовании.»

Но это не всё. Благодаря реформе образования на заводы хлынули армады дипломированных кретинов. Так, на пермский оборонный «Машиностроитель» определили выпускника пермской сельхоз. академии, самого отсталого вуза Перми, причем сразу на должность начальника смены (рассказывают, он чуть не завалил план).

«У многих людей, - пишет Лещинский, - существуют совершенно ошибочные представления о сплошной «уравниловке», будто бы царившей в то время на каждом заводе. Так вот, на самом деле, время «уравниловки» для рабочих наступило именно после перестройки, несмотря на сохранившуюся сдельную систему оплаты труда. Приведём простой пример. Опытный токарь, как правило, работает в 2-3 раза быстрее новичка, тратя меньше времени на настройку и переналадку оборудования, заточку резцов и пр. По словам знакомого автору пожилого токаря, «при коммунистах» он, без труда перевыполняя норму в 2 раза, получал в 2 раза больше, чем его молодые коллеги. Это было справедливо и не вызывало нареканий у последних. Теперь же всех уравнили введением принудительного ограничения: никто не может получить больше 150% от установленной тарифной ставки (это называется «снижение издержек производства»), а заказы сократились настолько, что возможностей для переработки почти не осталось.»

Лещинский не понимает, что такое уравниловка. В либеральном сознании уравниловка – когда трудолюбивый и ленивый получают одинаково. Но дело в том, что уравниловка – это завоевание капитализма. С одной стороны, сдельная оплата труда – далеко не везде. У Лещинского – как раз одна сдельщина. А вот повременная оплата – ВСЕГДА уравниловка. Т.к. трудолюбивый и ленивый, сильный и слабый втянуты в один производственный процесс. Скажем, на «Ситроене», если один цех задерживает продукцию, туда идут рабочие смежного цеха, выяснять, в чем дело. Потому рабочий получает не по живому труду, а по овеществленному, получившему оценку на рынке. Т.е. по чему-то среднему – по тарифу. И больше рабочему не дадут работать, напр., когда на одном из заводов Франции рабочий произвел, допустим, не 5, а 7 деталей, это разбиралось на уровне психолога, главного технолога и директора, рабочего уволили. Представьте, что к 5 байдаркам произвели 50 весел, или к 10-ти кузовам произвели 5 рулей. А ведь случай с байдарками был-таки в СССР!

Закон стоимости – это и есть уравниловка. Под него, разумеется, подпадает и сдельщина, т.к. каждая единица продукции, независимо от общего количества, всё равно отчуждается от рабочего, попадает на рынок и оценивается независимо от желания рабочего. Еще хуже, если потребителю нужно, например, не 20, а 5 единиц продукции, тогда 15 единиц сдельщик производит впустую, бесплатно.

Как устроен рабочий

Лещинский считает, что его уровень достаточно высок, соответственно, он может оценить высокий уровень окружающих.

«Автор может привести несколько косвенных свидетельств о достаточно высоком культурном уровне значительной части советских рабочих (также на примере конкретного предприятия).

При заводе с 50-х до 90-х годов действовал драматический кружок, руководителями которого в течение ряда лет были профессиональные театральные режиссёры, а роли играли сами рабочие... Об интересе рабочих к чтению в советское время свидетельствует тот факт, что помимо крупной научно-технической библиотеки, расположенной в заводоуправлении, в каждом цехе была открыта своя небольшая библиотека художественной литературы, посещаемость которой была стабильно высокой вплоть до 90-х годов. Безусловно, более культурным и разнообразным был отдых рабочего. После окончания смены рабочие часто проводили время в уникальной заводской оранжерее, где круглый год цвели розы, тюльпаны и гвоздики, росло множество субтропических растений, цитрусовые, инжир, а также прижились пальмы, разросшиеся до 12 метров. Там они отдыхали: слушали пение канареек, общались, играли в шахматы. В начале 90-х оранжерея была заброшена, а в середине 90-х ее уничтожили. При регулярном общении со «старыми» рабочими автор неоднократно убеждался в их любознательности и широте кругозора, особенно заметными на фоне «серой» молодёжи. Учитывая все вышесказанное, никому не покажется странным, что о советском времени «старые» рабочие сохранили самые благодарные воспоминания.»

Конечно, в сравнении с нынешней рабочей молодежью, просиживающей в интернете, особенно после реформы образования, старые рабочие более грамотны в плане школьного образования и квалифицированы. Однако

Лещинский нарисовал какую-то пасхальную картину, как советские рабочие слушают пение канареек... Нет, в народных театрах, действительно, некоторые рабочие участвовали. На Пермь – один такой театр, там пяток рабочих... Для примера приведу высказывание одного из рабочих пермского завода им. Ленина (ныне АО «Мотовилихинские заводы»). Дело было в 1990-м, распад еще не коснулся предприятия. Я предложил создать в цехе самостоятельный рабочий профсоюз, чтобы не для галочки, а реально боролся за права рабочих. Ведь до смешного доходило: остаток на начало года в заводском колдоговоре записывали с обратным знаком, ну, а о профсоюзных путевках никто и не вспоминал. И получил ответ: «В цехе 70% спившихся, 20% куплены заводским начальством. Остальные 10% смотрят на всё это и ничего не хотят.»

Аналогично высказывание и рабочего пермского завода «Промсвязь»: «Мы понимаем, что нужны реальные рабочие профсоюзы, рабочие комитеты, реальный, а не карманный, продиректорский СТК, но... Придешь на завод, а там оборудование 1913 года. И уже ничего не надо, только бы скорее уйти домой...»

В 1991-м, тоже еще до развала, я побывал на мотовозоремонтном заводе в г. Верещагино. За 40 мин. нахождения в цехе моя куртка настолько пропиталась сажей, что отстирать ее было уже невозможно. В цехе под потолком была протянута рельса, по ней рабочие вручную перемещали чан с расплавленным металлом и вручную же его заливали в формы.

Что касается отдыха после смены – в советское время – это, скажем, в Перми далеко не оранжерея. Рядом с каждым заводом – ряд забегаловок, четыре – у главных проходных завода им. Свердлова (ныне «Пермского моторостроительного»), две – рядом с электроприборным, в т.ч. знаменитый «Мираж», прямо напротив Малых (главных) проходных завода им. Ленина первая, затем вдоль трамвайной линии еще две, а напротив остановки – огромный двор, по периметру – три длинных деревянных стола, где совершали и совершают фуршет рабочие после каждой смены.

Относительно грамотности. Я привез из Москвы разные Кодексы, в том числе КЗоТ. Отдал рабочим с завода им. Ленина. Рабочие его замылили – никто КЗоТ в глаза не видел! Попытался найти КЗоТ в Мотовилихинском райсовете. Глава Совета у себя КЗоТ не нашел, обзвонил все книжные магазины в Перми и выяснил – нету! На одной подмосковной стройке прораб, человек начитанный, однажды расклеил на информационном стенде методику расчета зарплаты. Рабочие пропустили обед, переписывая с наклеенных листочков.

Говорить о квалификации советских рабочих можно, о грамотности, культуре – никак. Из поэтов – максимум Роберт Рождественский и Евгений Евтушенко. Ни о Прокофьеве, ни о Свиридове, ни о Гершвине, ни даже о Мусорском, Балакиреве или Кюи рабочие понятие не имели. Из фильмов подавляющее большинство рабочих смотрело только ширпотреб, из прозы – тоже только ширпотреб. По художественным музеям бегала исключительно интеллигенция.

Помню, один квалифицированный рабочий мне пытался втолковать, что он сделал открытие – нужно использовать вторую половинку кинетической энергии. Это не анекдот. Множество старых рабочих верит всему, что вываливает телевизор. Причем даже спорят – мне, физику, не верят, что пятимерие, про которое трещат в «Военной тайне», невозможно, оно противоречит законам физики.

Нет, конечно – митрополит Федченков рассказывает про одного талантливого рабочего: во всем мог разобраться. А вот системе Коперника не доверял, мол, шибко далеко Земле обращаться вокруг Солнца, изобрел свою, глупую, легко опровергаемую систему («На рубеже двух эпох»). Но в этом – даже дух бунтарства. Но тут-то! Все наоборот. Рабочие – не специалисты в биологии, но с пеной у рта доказывают, что теория Дарвина – неверна. Телевизор сказал! Что там рабочие – инженер завода им. Свердлова Толчин, «изобретатель» инерцоида, в 70-е нёс ахинею, что «сила трения – не сила, а просто зацепление», и никак не мог взять в толк, что движение инерцоидов происходит вследствие нелинейной зависимости силы трения от скорости.

Я могу привести массу примеров безграмотности советских рабочих. Потому они в массе своей и поверили, что переход к западной системе принесет им счастье. Яркий пример – шахтеры. Умный учится на чужих ошибках, дурак – на собственных.

Но главное не это.

Что составляло основной интерес советского рабочего? Коммунистическое будущее? Престиж советского государства? Как не так.

Если для физика желательно увеличить рабочую смену, его труд интересен, то для рабочих по всему миру важнейшим моментом в профсоюзной борьбе является снижение продолжительности рабочей смены. Жизнь рабочего начинается за проходными, когда ему никто не указывает, когда он свободен.

На советских заводах дело осложнялось устаревшей техникой. На Западе в 80-е внедрялось порядка 10% изобретений. В СССР в те же годы те изобретения, что внедрены «затухали» на 3% предприятий и далее не распространялись.

И беседы с рабочими пермского завода «Промсвязь»: «Мы понимаем, что нужны реальные самостоятельные профсоюзы, рабочие комитеты. Не карманный СТК... Но придешь на завод, увидишь станки 1913 года выпуска – и ничего не хочется.»

Кроме того, рабочие не стремились изобретать, потому что львиную долю премии получал начальник. А после внедрения изобретения – срезали расценки.

В Перми в конце 60-х в лозунге на вышке секретного института «Наш труд тебе, родина» рабочие слово «тебе» читали наоборот. К 80-м дело еще более ухудшилось. Оборонные проекты не завершались, из Москвы приезжали высокие представители с новыми проектами, по стране начинали шагать недоделанные монстры. Основным интересом рабочих был, как формулировал Пильняк, интерес фанабарский. Дача-огород, машина, гараж, шмотки, фарцовка, рыбалка, видеоманитофон, «стенка», собрание сочинений для красоты. Фанабарские интересы – характерная черта рабочего класса всех стран, требования подавляющего большинства забастовок в мире – зарплата и условия труда.

В 70-е годы рабочий класс СССР был пронизан буржуазными отношениями насквозь.

«Но почти каждый из них, - пишет Лещинский, - также хранит память об унижениях 90-х годов, когда, чтобы хоть как-то прокормиться в периоды простоев, им приходилось уезжать в Москву на заработки в качестве «нелегальных мигрантов» (у них это называется «калым», «калымить»). Некоторые из них после этого так и не вернулись на завод, кто-то вернулся с потерей квалификации. Во всяком случае, в целом все они благодаря «калыму» многое поняли в сущности нынешнего общественно-экономического строя. Слишком резок был контраст между производством деталей авиационного назначения и строительством вилл для представителей новой буржуазии. Один сталевар рассказывал автору, что лет пять назад он участвовал в строительстве объекта, принадлежащего одному знаменитому телеведущему (судя по описанию, это было что-то вроде дворца). Несмотря на щедрю оплату, он вспоминает об упомянутой работе с ненавистью. Нетрудно понять, что эта ненависть имеет классовую основу. И такое отношение к «калыму» в целом характерно для большинства рабочих. Им далеко не безразлично, какую работу и для кого они выполняют.»

Еще Энгельс писал, что высококвалифицированный рабочий чувствует унижение от неквалифицированного труда. Однако ничего особо классового тут нет. Как говорил Марк Твен: «Я понимаю, что умственный и физический труд схожи тем, что умственный труд тоже вызывает пот. Но я ни за какие блага в мире не соглашусь махать кайлом хотя бы месяц.»

С другой стороны – сколько живу, ни разу не видел рабочего, который бы работу за большие деньги вспоминал бы с ненавистью. Любую.

После массовых увольнений рабочие были рады пристроиться на неквалифицированную, но более доходную, чем на заводе, работу на рынках, в чем-либо бизнесе, челноками и т.д. Председатель стачкома пермского автотранспорта бы уволен, долгое время был без работы, пытался восстановиться. Но когда попал на место вахтера в богатом «Уралгазсервисе», стал говорить: «Какой я был дурак, надо было сразу на это место идти!» Когда произошла смена хозяев заводов, рабочие, которым якобы далеко не безразлично. На кого они работают, не отреагировали. Никак. Те, которые сохранили рабочее место – радовались. В 90-е для рабочих не было разницы, где они работают – на государственном или частном предприятии. Ни малейшей реакции рабочих не было и тогда, когда крупные пакеты акций передавали иностранным владельцам. Никто не возмущался, когда в 2010 г. под патронатом Путина КАМАЗ был фактически продан «даймлеру» (48% акций), а ранее крупный пакет акций Авто ВАЗа перешел в «Рено». Американская Pratt&Whitney приобрела свыше 30% акций «Пермского моторостроительного завода» и демонтировала линию движков для МиГ-31М. Возмутился только главный технолог. И был уволен. Рабочим же песком рот забило. Крупный пакет пермского оборонного НПО «Искра» был продан через оффшор вероятному противнику. Ни один волос на головах у рабочих не шелхнулся. Пермские оборонные «Мотовилихинские заводы» уж который раз переходят из рук в руки, многие рабочие даже не знают своего последнего хозяина!

Начало 90-х. Австрийская акула империализма прикупила в Перми один из кирпичных заводов, производящий огнеупорный кирпич. Из зачуханного, замызганного, грязного заводшкы сделала конфетку, зарплаты повысились. У советских рабочих – особая гордость, пермские рабочие ликовали, работая на иностранного капиталиста.

В 2013 году выяснилось, что крупный пакет пермского оборонного НПО «Искра» («Тополь», «Булава», «Синева») принадлежит через оффшор вероятному противнику. Рабочие не знали. Мы рассказали им об этом в листовках. Ни один рабочий из старых не возмутился, даже не подумали. Потому что в сравнении с другими пермскими заводами рабочие НПО получают очень прилично.

Несколько лет назад депутат Илюхин обнародовал данные, что Россия поставляет Штатам движки для МБР. Его за это убили. Как, думаете, отреагировали рабочие советского закала на заводах? Никак.

В 1982 году мы, сотрудники университета, «калымили» в одном университетском стройотряде, в Шадейке близ Кунгура, крыли крышу в одном из зданий комплекса крупного рогатого скота. Отряд отдельно, мы отдельно. Вместе с нами – один пермский рабочий. КАМАЗ привез нам рубероид. Мы скинули все рулоны, осталось только четыре. Я спросил рабочего, который организовывал доставку, в чем дело. Оказывается, рабочий «договорился», 4 рулона – в откат водителю КАМАЗа. Меня это возмутило – мало того, что это грязь, так ведь не хватит. Я взобрался в кузов и выбросил эти 4 рулона. Надо было видеть физиономию водителя. Дело этим не кончилось – он скрал-таки, только не рубероид, а ДВП, 4 плиты, сколько смог ухватить, мы потом полдня бегали по стройке, искали куски плит.

На той же стройке калымил еще один пермский рабочий. Как специалист, он укладывал и разравнивал раствор на

крыше. Прораб поставил нас перед выбором: либо мы не закончим крышу, либо мастер получит 200 р., это его условие. Почти месячный средний по стране оклад рабочего. Мы согласились, пусть 200 р. Калымщик сделал всю работу за полсмены... Какого Христосика лепит из советского рабочего Лещинский?

Все же хочется поподробнее насчет «классовой основы». Стало быть, рабочие всей своей натурой чували, что работали на буржуа, и ненавидели самих себя за это. Остается только удивляться, отчего рабочие всего мира относятся к себе без ненависти. Представьте – во всем мире нет «классовой основы», а тут есть!

Один российский патриот терпеть не может Аллу Пугачеву. Однажды рассказал, как ему приснилось, что между ними происходит соитие. Проснулся в холодном поту. Я спросил: «Надеюсь, ты делал это с ненавистью?!» Вообще-то в СССР было принято считать, что рабочие работают не для кого, а на себя. Хотя сами рабочие прекрасно осознавали, что работают на государство, которое от их мнения не зависит. Наоборот, все они зависят от мнения государства.

Как точно заметил один рабочий: «Не надо рабочих мордой в грязь ронять, но и на ходули ставить не надо.»

«Большинство молодых рабочих, - сетует Лещинский, - с которыми приходится взаимодействовать автору, в своей жизни не прочитало ни одной книги (много – до десяти книг) и нимало этим не смущается. Отчасти это можно объяснить тем, что они очень рано обзаводятся семьей и детьми (почти поголовно до 22 лет).

Их культурные запросы, как правило, вполне удовлетворяет американская кинопродукция довольно низкого пошиба («молодёжные» комедии, экранизации комиксов, фильмы «для взрослых» и т.п.).

Музыкальные пристрастия практически у всех ограничиваются «попсой» и «русским шансоном» (некоторые также слушают «русский рок», а единицы – зарубежный «металлический» рок).

Их времяпровождение также не отличается разнообразием: основными формами отдыха от работы и домашних хлопот для них являются коллективные выпивки в одних и тех же местах, просмотр развлекательных программ, сериалов и футбольных (хоккейных) матчей. Некоторые увлекаются рыбалкой и собиранием грибов (хотя в целом это более характерно для рабочих старшего поколения), многие выезжают с семьей отдохнуть на природе. Увлекаются и спортом: в каждом цеху имеются футбольная, хоккейная и баскетбольная команды, делегирующие представителей в заводские сборные по этим дисциплинам.»

В Перми ни на одном заводе нет и никогда не было даже намека на футбольную или хоккейную команды. Тем более баскетбольной команды, хотя бы по той причине, что играть негде. Спортивные секции использовали редкие школьные залы. В советское время были «подснежники», которые числились на заводе, но играли в городской сборной. Рабочие с трибун кричали: «Давай-давай, туняццы, шевели ногами!» То, что не читают книги, отчасти объясняется компьютеризацией – масса молодых рабочих пропадает за компьютером. Причем это не добавляет им ни знаний, ни культуры, ни кругозора. Огромное воздействие оказала наркотизация населения. Один из рабочих как-то спросил меня, чем занимаюсь. Ответил, что журналист. «Неинтересно. Газет не читаю.» А книги? «Зачем???» Так ведь это интереснее, чем газеты, Достоевский, Платонов... И тут он доверительно поведал: «Понимаешь, я сейчас сижу на героине...»

Американские кино низкого качества и попса принимаются молодым поколением в том числе потому, что они – вместе с российским демократическим новоделом - заполнили телеэкраны, магазины с фильмами на дисках, кинотеатры.

Однако, как уже сказано, не надо представлять советских рабочих как литературную, театральную или кинематографическую публику. Огромную роль в формировании вкуса советских граждан сыграли туристическая песня, клуб самодеятельной песни (КСП). Они встали неодолимой стеной между посвященными в мир туризма и миром музыки, поэзии.

В Перми фильмы Тарковского, Балаяна, Абуладзе, Муратовой, Губенко и др. смотрела в подавляющем большинстве интеллигенция. Рабочие смотрели детективы, фильмы о войне, о приключениях, комедии. Точно такой же круг пристрастий доминировал и в литературе. Иногда рабочие читали исторические романы, фантастику – такие считались интеллектуалами. В драматический или оперный театры рабочих было не затащить, разве что в буфет. Помню, один рабочий с пермского завода им. Ленина спросил: «А что, Мопассан – это запрещенная книга?» - Была блатная похабная песня со строчкой «И книга Мопассан». Дело в том, что советский рабочий класс был намертво перевязан с криминалом.

В середине 80-х у рабочих неожиданно проснулся жгучий интерес к марксизму-ленинизму, вообще к философии, политэкономии. Причем самостоятельно, влияние интеллигентских марксистских кружков тут не просматривается, за исключением 3-4 городов. Рабочий ярославского моторостроительного Николай Ковалев рассказывал: «Скучно было читать всё собрание сочинений Ленина подряд, я перемежал книгами Маркса, Энгельса, Плеханова...» Марксизм-ленинизм изучали рабочие Челябинска, Перми, Свердловска, Ростова-на-Дону, Владивостока, Воркуты, Солигорска, Казани, Самары и даже Зеленогорска Ленинградской области. Причем процесс познания шел вовсе не в духе мещанина во дворянстве. Рабочие с ходу принялись применять полученные знания. Пермский рабочий завода АДС Юрий Дерендяев прочитал все 4 тома «Капитала» и тут же стал наводить критику. Зеленогорский рабочий Юрий Радостев доказал на массе примеров, что в СССР в отношении рабочей силы действовал закон стоимости. Николай Ковалев издал в самиздате свою книжку со сравнительным (компаративным) анализом ряда революций. И т.д. Дело не ограничилось теоретическими

трудами, а вылилось в практику. В 1987 году Ковалев возглавил забастовку трудового коллектива завода против черных суббот и черных воскресений в 1987 году, а потом стал издавать «Ярославский информлисток». Тем не менее, в массе советские рабочие оставались неграмотными в марксизме-ленинизме.

Вместо того, чтобы попытаться понять, Лещинский шокирован:

«Шокирует полное безразличие рабочей молодёжи не только к политике, но и к любым решениям заводского руководства. Отношение к социальной действительности и политической обстановке у представителей старшего поколения несколько иное. «Старые» рабочие всегда превосходно осведомлены о размере дивидендов собственников предприятия, стоимости его акций, планируемых повышениях/понижениях зарплаты и пр. К цеховому руководству они относятся настороженно, а к заводскому, как правило, и вовсе питают откровенную неприязнь. Правительственной пропаганде в целом они не верят, хотя у многих из них еще есть иллюзии по поводу некоторых «раскрученных» телевидением крупных политических фигур. Многие из них сознательно не ходят на выборы. Своей родиной они считают не Россию, а Советский Союз. Логично было бы предположить, что они имеют левые взгляды, но это не совсем так. У них вообще нет понятия о различии между левыми и правыми. Их политическая наивность доходит до того, что они совершенно искренне считают Г.А. Зюганова коммунистом (со всеми вытекающими из этого негативными последствиями). Единственный вполне логичный вывод в отношении самого себя, к которому пришел каждый из них – что правительство всегда и во всем их обманывает. Будущее России представляется им мрачным и безысходным, и никаких альтернатив ему они не видят. Ни о каком «подлинном» классовом сознании, стремлении радикально улучшить свое положение у них не может быть и речи (тем более – у молодых рабочих).»

Рабочие умнее Лещинского

«Радикально улучшить» - звучит. Стало быть, цель жизни – радикально улучшить положение. Чего стесняться, если даже один из лидеров испанской компартии так и говорил: «Коммунизм – это когда у каждого по три жены и две машины.»

И кто бы поверил, что старые рабочие «превосходно осведомлены» о дивидендах, цене акций, планах руководства и пр. Совершенно недавно в редакцию нашего «Рабочего вестника» обратились рабочие пермского завода «Камкабель», которых заставляли продать свои акции. Выяснилось, что рабочие «советского закала» оказались не в курсе, почему руководство предприняло такой шаг, сколько стоит акция и какая акция, какие действия им необходимо предпринять. Из редакции ответили на вопросы рабочих, однако оказалось, что они не в состоянии запомнить или записать советы, за это дело взялись их молодые сыновья-студенты. Нашему объединению «Рабочий» пришлось писать листовку для всего завода. Дело обстоит еще хуже: в периоды задержки зарплаты подавляющее большинство рабочих «советского закала» распродало свои акции и не может теперь получать какую-либо информацию о работе завода. Объединение «Рабочий» одно время устраивало финансовый ликбез и даже кликнуло клич: «Не продавай последнюю акцию!»

Считать можно что угодно, однако вряд ли рабочие так формулируют, что, мол, их родина – Советский Союз. Это уже личные пристрастия Лещинского и лично его окружения, дань моде, ведь результатов какого-либо соц. опроса он не привел. Только вряд ли рабочие уж так привержены Зюганову. Например, в Пермском крае мало кто голосует за КПРФ, выборные матчи между ЕР и КПРФ носят договорной характер.

То, что рабочие не различают «лево» - «право», говорит сразу о двух вещах. Первое: рабочие еще вчера (10, 20 лет назад) пили вместе с чиновниками, хозяевами предприятий, уголовными авторитетами. В их сознании еще не произошло разделение, они не представляют себя как сторону противоречия, чтобы они стали способны противопоставить себя такому могучему врагу. Для этого нужно, чтобы противоречие обострилось настолько, что подвигнуло бы их на классовую борьбу. Другого пути нет, никакие увещевания, что буржуазия их враг, не помогут. Рабочие по-прежнему пишут петиции то Жириновскому, то Кадырову, то Миронову, то еще кому – хотя государство есть орудие в руках их врага, буржуазии, орудия подавления их, рабочих!

С другой стороны, рабочие уже много раз наступили на одни и те же грабли. Потому они в массе своей не верят ни Зюганову, ни Путину, ни Навальному, ни единой парламентской и не парламентской партии. Именно потому они ни правые, ни левые. Они правильно не ходят на выборы! Они прекрасно знают, что ЛЮБОЙ кандидат от ЛЮБОЙ партии, став депутатом, тут же забывает об избирателях и начинает заниматься бизнесом. В Перми кандидат Чернов на предвыборном плакате написал «В Думу иду работать!» Ушлые пермяки тут же приписали: «В Думу иду ЗАработать!»

Предварительные разговоры с рабочими разных пермских заводов показали: рабочие не верят даже кандидату от хорошо известного им объединения «Рабочий». «Как только он сядет депутатом – он будет втянут в ИХ систему, станет таким же.» На «Пермском моторостроительном» рабочие, наоборот, поддержали, «за» были даже начальники цехов. И даже молодые боевики от «Единой России»! И что? Рабочему перед выборами устроили инсульт прямо в цехе.

Россия здесь – вровень с развитыми странами мира. Во всем развитом мире растет абсентеизм, проседают партии и профсоюзы (кроме Франции). Везде они дискредитировали себя, как и профсоюзы. Две общенациональные забастовки во Франции прошли без участия партий и профсоюзов. Что уж тут, если «партия нового типа» так дискредитировала себя.

И правильно рабочие не видят альтернатив впереди. Потому что у России их нет. Рабочий класс России атомизирован, слаб, деклассирован вследствие разрушения классовообразующей производственной базы. Вследствие этого Россия уже не сможет сыграть роль «слабого звена», никакой революционный центр в Россию не переместится. Надежда – только на мировое рабочее движение.

Овеществление сознания

Далее Лещинский хочет блеснуть соей философичностью:

«Скорее можно говорить о крайней степени овеществления сознания, когда «оно... становится совершенно пассивным созерцателем закономерного движения вещей, в которое оно не в состоянии вмешаться ни при каких условиях» (Лукач). Кроме того, автор с удивлением обнаружил, что у некоторых бывших советских рабочих возникло (сохранилось?) религиозное чувство. Они знают даты церковных праздников, ходят в храм, посещают святые обители (Дивеево, Саров) и проч. Не исключено, что эта тенденция в дальнейшем получит более широкое распространение. Есть основания полагать, что описанная идейная бесхребетность рабочих связана не только с потерей ими исторической памяти. В корне изменилось само их положение на производстве. И дело даже не в резком падении престижа рабочих профессий.

Поясним.

«... сущность товарной структуры состоит в том, что отношение, связь между лицами [Personen] приобретает вещественный характер... Но прежде чем браться за рассмотрение самой проблемы, мы должны отчетливо взять в толк то, что проблема товарного фетишизма это специфическая проблема нашей эпохи, современного [modern] капитализма. (Дьердь Лукач, «Овеществление и сознание пролетариата»)

То есть, товарный фетишизм – почти синоним овеществления сознания. Теперь приведем полностью цитату из книги Лукача, которую урезал Лещинский:

«Овеществленное сознание должно быть равным и одинаково безнадежным образом подвержено двум крайностям - грубому эмпиризму и абстрактному утопизму. Сознание, стало быть, либо становится совершенно пассивным созерцателем закономерного движения вещей, в которое оно не в состоянии вмешаться ни при каких условиях, либо рассматривает себя как силу, которая способна по своему собственному - субъективному - желанию распоряжаться движением вещей, которое не несет в себе никакого смысла. (Д. Лукач, «Классовое сознание»)

В чем причина овеществления сознания? Лукач цитирует Маркса:

«Маркс так описывает фундаментальный феномен овеществления: «Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому quid pro quo [появлению одного вместо другого] продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными <...> Это - лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»»

И далее:

«В этом фундаментальном структурном факте [strukturelle Grundtatsache] прежде всего надо выделить то, что в силу подобного положения дел человеку противостоят, как нечто объективное, от него не зависящее, подчиняющее его своей антигуманной закономерности, - его собственная деятельность, его собственный труд. Причем это верно как в объективном, так и в субъективном плане. Верно в объективном плане, поскольку возникает мир готовых [fertig] вещей и вещных отношений (мир товаров и их движения на рынке), чьи законы хотя мало помалу и познаются людьми, но и в этом случае противостоят им как непреодолимые самостоятельные силы. Их познание, стало быть, может быть использовано индивидом к собственной выгоде, но и тут ему не дано своей деятельностью оказать активное влияние на реальный ход событий. Это верно и в субъективном плане, поскольку при сложившемся товарном хозяйстве человеческая деятельность объективируется по отношению к нему самому, становится товаром; она подчиняется чуждой человеку объективности естественных законов общества, то есть должна совершать свое движение так же независимо от людей, как и любая другая потребительная ценность, ставшая товаровидной вещью [Warending]. Маркс заявляет: «Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер»» («Овеществление и классовое сознание»).

Но разве достаточно указать, что причиной овеществления сознания является становление товарной формы и продажа рабочей силы как товара? Маркс, а за ним Лукач, отвечают на этот вопрос:

«Универсальность товарной формы как субъективно, так и объективно обуславливает абстракцию человеческого труда, который опредмечивается в товарах... Объективно, поскольку товарная форма как форма эквивалентности, обмениваемости качественно различных предметов становится возможной лишь в силу того, что они - только в этом отношении, в котором они впервые приобретают свою предметность в качестве товаров - выступают как формально эквивалентные. Причем принцип их формальной эквивалентности может основываться только на их сущности как продуктов абстрактного (то есть формально одинакового) человеческого труда. Субъективно, поскольку данная формальная одинаковость абстрактного человеческого труда не только является общим знаменателем, под который подводятся различные предметы в отношении между товарами, но становится реальным принципом фактического производства товаров. Само собой понятно, что в наши цели здесь не входит даже беглое изображение этого развития, возникновения современного трудового процесса, обособленного, «свободного» работника, разделения труда и т.д. Тут речь идет лишь об установлении того, что абстрактный, одинаковый, сравнимый труд, измеряемый с все большей точностью общественно необходимым рабочим

временем, труд в рамках капиталистического разделения труда возникает одновременно как продукт и как предпосылка капиталистического производства...»

И далее:

«Справедливость замечания Маркса о фабричном труде, при котором разделяется сам индивид, каковой превращается в автоматический приводной механизм частичного труда, доводится до ненормальности, проявляется здесь тем более резко, чем более высоких, развитых, «духовных» достижений [Leistungen] требует от работника данное разделение труда. И здесь повторяется отделение рабочей силы от личности рабочего, ее превращение в вещь, в предмет, который он продает на рынке. Повторяется с тем лишь отличием, что тут машинная механизация не угнетает разом все духовные способности, а одна способность (или комплекс способностей) отрешается от целостной личности, объективируется по отношению к ней, становится вещью, товаром.»

То есть, базовой причиной овеществления сознания является капиталистическое дробление труда, доведение общественного разделения труда до крайности. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс пишет о тяжелом, монотонном, однообразном, отупляющем, обезличивающем труде рабочего. Адам Смит отмечает, что такой труд делает из рабочего существо, не способное ни на патриотизм, ни на гражданскую активность. Если рабочий стоит у конвейера, или три года делает одну и ту же гайку, у него, в терминах Гегеля, в процессе распредмечивания, грубо говоря, в голове образуется та же гайка.

В СССР в 80-х 50% труда рабочих составлял грубый ручной труд (в Японии – 3%). Рабочие пермского оборонного завода «Октябрьской революции говорили, что сами не понимают, что они делают, какие-то непонятные детальки, блоки. То есть, сознание советских рабочих было точно так же овеществлено. Ничего нового в этом плане у современных рабочих не появилось, ничего не убыло.

Что же делать? Тот же Лукач пишет, а Лещинский пропускает мимо ушей:

«Но тут у пролетариата нет выбора. Он должен, как говорит Маркс, стать классом не только по отношению к капиталу, но также для себя самого. Это значит, что экономическую необходимость своей классовой борьбы он должен поднять до сознательного волеизъявления, до действительного классового сознания. Пацифисты и гуманитарии от классовой борьбы, которые вольно или невольно способствуют замедлению этого уже самого по себе длительного, болезненного и кризисного процесса, сами бы пришли в ужас, если бы увидели, какие страдания они причиняют пролетариату затягиванием этого наглядного обучения. Ибо пролетариат не может уклониться от своей миссии. Речь идет лишь о том, сколько он еще будет страдать, пока не достигнет идеологической зрелости, верного познания своего классового положения, классового сознания.

И окончательно:

«Пролетариат вполне становится самим собой благодаря тому, что себя упраздняет; доводя до конца свою классовую борьбу, он создает бесклассовое общество.»

То есть: задача рабочих, в т.ч. бывших советских – упразднить себя как класс. А не петь себе дифирамбы, как это делает Лещинский.

Что касается религиозности бывших советских рабочих. Конечно, 30% взрослых жителей СССР были верующими, в основном. Мусульмане. Однако не надо путать Москву с Россией. Это москвичи по моде, чтобы казаться продвинутыми, щеголяют своим знанием церковных праздников, в церковь ходят и т.д. А спроси их в лоб – окажутся какими-нибудь фетишистами, анимистами, тотемистами, т.е. приверженцами архаичных форм религии. Провинциальные рабочие точно так же фетишисты, анимисты, тотемисты и пр., но в церковь выпендриваться не ходят. Несмотря на оголтелую пропаганду религии, в России по социологическим исследованиям ВЦИОМ лишь 9% считают религию важным делом.

Энтузиазм и ответственность

Лещинский снова поражен действительностью:

«Общая закономерность, отмечаемая всеми старыми работниками завода, заключается в следующем: с исполнителя снимают всякую ответственность.

Т.е. если раньше рабочий обязан был отчитываться в письменном виде за каждое несоответствие (не говоря уже о браке) под угрозой лишения премии, то теперь он может спокойно сослаться на отсутствие проверяющего безо всяких для себя последствий. Разумеется, это не значит, что рабочий может себе позволить нарочно не выполнить требования, заложенные в карте технологического процесса. Просто ему их теперь не достаточно.

Указанный документ все равно требует какого-то осмысления, сопоставления, учёта отклонений по массе или размерам. Естественно, рабочий-профессионал с легкостью должен выстроить в уме недостающие подробности, внести коррективы и т.п. Но теперь ему это делать совсем необязательно. Высшее начальство перестало воспринимать рабочего как грамотного исполнителя, которому можно доверять, а это отношение передалось и цеховым руководителям (разумеется, за исключением руководителей старой закалки).

Все началось с того, что рекомендации рабочих перестали слушать («дескать, без тебя разберутся»).

А привело к тому, что спрашивать стало не с кого. Естественно, без козла отпущения обойтись было невозможно.

Отныне ответственность за правильное или неправильное исполнение технологии полностью ложится в одних цехах на мастеров, в других – на технологов, в третьих – на контролёров ОТК.

И это легко объясняется. Понятно, что начальству легче вытереть ноги о технолога или мастера, нежели общаться с пролетариатом, который, к тому же, не очень-то это начальство уважает и может в ответ на ругань высказать все, что о нём думает.

Парадоксально, но сложившаяся ситуация устраивает и руководство, и рабочих.

Первые могут вообще не вспоминать о какой-то серой массе, которая копошится в цеху и производит уникальную продукцию, приносящую годовую прибыль в сотни миллионов рублей.

Вторые могут забыть о лишениях премии, объяснительных, выговорах и пр.

Но тут есть очень неприятное следствие для тех, кто видит в рабочем классе революционный фермент: рабочие отвыкают думать, решать, оценивать, брать на себя ответственность. Хотелось бы надеяться, что это характерно лишь для описываемого предприятия.»

О какой ответственности тут говорит Лещинский? Представьте себе капиталистическое предприятие, хозяин которого, увидев, что рабочий делает халтурку, назначает собрание коллектива буржуинов и делает рабочему выговор с занесением в личное дело! Здоров ли Лещинский? На любом западном предприятии рабочий гораздо более ответственен, чем на советском. За малейшую провинность его увольняют.

В принципе, в СССР любой гендиректор всегда мог уволить рабочего по 33-й, придрататься и - поминай как звали. Но гендиректора предпочитали держать рабочих на низких зарплатах и при плохих условиях труда, угрожая 33-й статьей КЗоТ.

Правда заключается в том, что именно в СССР рабочий не нес НИКАКОЙ ответственности.

Пермнефтеоргсинтез (ПНОС) давал 60% всей загрязненности Перми. В поселке Первмайском, что близ ПНОСа, люди на улице падали в обморок, детей в школе тошнило. Где была ответственность культурных советских рабочих ПНОСа? При подъезде на электричке к комплексу, где производится «Протон» - характерный ядовитый запах. Выбросы СОЖ, лакокрасочного завода, ПЗХО... Вокруг завода им. Орджоникидзе (Камтекс) трава была желтой. Какие разговоры – в речку Косьву ракетное топливо сливали, оттуда оно падало в Каму, в водоканал. Где была ответственность классово сознательных советских рабочих? В жопе!

Зато когда Лукойл вышел на международный уровень, администраторы ПНОСа тут же урезали зарплаты рабочим и поставили очистные сооружения. Лысьвенская швейная фабрика или Платошинская птицефабрика при Златкине, который выдернул их из долгов и нищеты - не дай бог сделать что не так – тут же выгонят, и ни один профсоюз не поможет! Уралгазсервис при Сазанове – та же картина.

Я видел на «Ситроене», как рабочий что-то не поспевал, я видел его черные от напряжения и страха глаза – вот это ответственность!

А в Перми советские рабочие оборонного з-да им. Ленина с удовольствием калымили на сверхурочных. Дело в том, что в 80-е сложилась такая система: к обеду уже вся работа была сделана. Руководство не умело правильно организовать работу. В конце квартала – авралы. Рабочие довольны, за сверхурочные платили больше.

А какая высокая ответственность была у советских водителей трамваев! Любой мог убедиться, постояв на остановке при 30-градусном морозе полтора часа. А потом трамваи шли гуськом друг за другом, уже четвертый трамвай ехал пустым.

Особенно ответственными были советские летчики и авиадиспетчеры. Туши свет. Задержка рейса на несколько часов, а то и на трое суток – обычное дело. Как думаете, отчего ныне практически не задержек рейсов? Может, погода поменялась, климат стал другой? В конце 70-х моя сестра осуществила захват аэропорта «Пулково». Рейс задерживали, сестра опаздывала на работу в Мурманск. Мурманчане – это адская смесь блокадников и сосланных раскулаченных. Взаимопомощь – на высоком уровне. Сестра организовала мужиков, те не дали уйти домой начальнику аэропорта. Взвесили все порции в буфете аэропорта с его сознательными советскими рабочими. После чего начальник аэропорта сдался. «Но где ж я вам возьму лишний экипаж?! – В гостинице всегда есть лишний экипаж.» Мурманчане победили. «И что Вам стоило выполнить наши требования пять часов назад?» - спросила сестра.

Между прочим, в Японии буржуа доплачивают за ритмичность работы.

Об ответственности советских строителей и говорить смешно. Потери материалов при строительстве – 30%, в то время как в ФРГ – 3%.

Диктатура пролетариата, пишет Ленин, – не только насилие и не столько насилие. Она означает, что рабочий класс сумел взять в управление всю экономику страны. Вот это и есть ответственность. Активисты нашего объединения «Рабочий» на пикетах у проходных разных заводов регулярно расспрашивали рабочих, еще вчера бывших советскими, хотят ли они распоряжаться производством, подменять начальника цеха, главного технолога или директора. «Не хотим, - отвечали рабочие. - Во-первых, у нас образования не хватит. Во-вторых, неохота ответственность нести.» Когда начались задержки зарплаты, гендиректора издевались над рабочими: «Недовольны? Так встаньте на моё место!»

«В добавление к написанному выше хотелось бы на эмпирическом примере доказать неосновательность такого недоверия к рабочим со стороны начальства. Есть такая рабочая профессия – калибровщик. К этим рабочим

продукция поступает уже после штамповки и прокатки, и их задача – окончательно довести кольцевую заготовку до чертежных размеров растяжкой на калибровочном прессе. Ранее этим участком занимался отдельный технолог по калибровке. С наступлением «демократической» эпохи, когда производство сократилось на 95%, людям перестали платить зарплату и заводской персонал почти поголовно перешёл к ведению натурального хозяйства, эту профессию исключили из структурной схемы предприятия – за ненужностью. Какое-то время участком занимались остальные технологи – подбирали и проектировали оснастку, давали рекомендации и пр. Но это продолжалось недолго. В конце концов они ограничили свое участие разработкой параметров, указываемых в карте технологического процесса. Участок перешел в ведение мастеров. Но когда все опытные мастера (сами в прошлом рабочие) уволились и им на смену пришло новое, выросшее в 90-е поколение, фактически участком не занималась уже ни одна служба. Этот период рабочего самоуправления растянулся минимум на десять лет. И что же? Оказалось, что вполне можно обойтись и без технологов, и без мастеров (автор признается в этом не без некоторого чувства стыда). Рабочие не только сами стали подбирать сектора, считать тепловую усадку, самостоятельно исправлять полученные на других переделах отклонения и обеспечивать бесперебойный выпуск годной продукции, но и фактически провели полную ревизию оснастки, стали выдавать задание на изготовление новых секторных поясов и т.д. Предоставим делать выводы читателю.»

Вы знаете, мы сделаем-таки выводы.

Значит, рабочие, а точнее, мастера, что далеко не одно и то же, настолько грамотны, что сами занимались разработкой параметров технологического процесса.

1) То есть, тратили на это время. Понятно, когда перемена деятельности – у рабочего, это повышает производительность труда. Но тут действовали мастера. Что означает такое действие? Что принцип машинного производства разделения я труда, который сокращает время, нарушен.

2) Врачу в его деятельности вовсе не требуется столько знаний, сколько он приобрел в институте. Но он отличается от медсестры тем, что в критический момент он сумеет, а медсестра – нет. В связи с этим вопрос: делали ли мастера ошибки? Как часто?

3) В начале 90-х на французском «Ситроене» работало 6 тыс. рабочих, группа управления – 500 чел. На пермском опытно-механическом заводе в 80-е годы работало 150 рабочих. И 150 захребетников. Аналогичная ситуация была на пермском моторостроительном з-де им. Свердлова. Убрать половину из них – завод бы и не заметил. Но это вовсе не означает самоуправления.

4) Самоуправление означает: что рабочие могут контролировать и в любой момент заменить собой гендиректора, его заместителей, главного конструктора, главного инженера, главного технолога, главного бухгалтера. Если не могут – никакого самоуправления нет.

«Отношения между молодыми и «старыми» рабочими – это почти всегда отношения между учеником и учителем: молодой рабочий поначалу во всем копирует манеру работы «старого», затем понемногу вырабатывает свой стиль, но первоначальное сходство остается. И в этом смысле советская традиция сохраняется. Каждый молодой рабочий в течение какого-то времени является, условно говоря, подручным кого-либо из «старших». Они работают в одной смене, вместе обедают и вместе уходят с работы. Поскольку «старший» всегда намного более развит как личность, для молодого рабочего он представляет пример не только в профессиональном, но и в чисто житейском плане. Поэтому навязываемый через СМИ воинствующий индивидуализм молодёжи бывает сильно поколеблен взаимодействием со сложившимся коллективом. Однако полностью преодолеть его не удается, потому что в самом рабочем коллективе уже нет единства даже на уровне цеха. Важной особенностью современной обстановки, по мнению автора, является то, что и без того немногочисленный ныне рабочий класс (в традиционном понимании слова) перестает быть однородным. Кроме упомянутого размежевания по возрасту, возникают и другие факторы, способствующие развитию и закреплению его «гетерогенности.»»

Рабочий класс никогда не был однороден, ни в 1917-м, ни в 1991-м.

Рабочего единства в СССР не было ни на уровне цеха, ни на уровне завода, и даже на уровне бригады.

Подавляющее большинство советских рабочих безропотно отнеслись к тому, что их выставили за проходные.

Поперечное сечение

Далее Лещинский занялся поиском причин:

«Прежде всего, это немислимая в Советском Союзе искусственно созданная дифференциация рабочих профессий по оплате труда. Речь идет о том, что оклады отдельных немногих категорий рабочих повышаются в ущерб остальным. Это происходит даже в рамках одного цеха, не говоря о предприятии в целом.

Как правило, поощряют рабочих, обслуживающих высокотехнологичное оборудование (зарубежное или более новое, точное и т.п.). При этом считается, что их вклад в работу якобы более значителен по сравнению с остальными. Высокая зарплата в сочетании со сравнительно благоприятными условиями труда таких рабочих вызывает раздражение и зависть со стороны их менее успешных (и/или менее везучих) коллег. По сути, воспроизводится ситуация царской России конца XIX – начала XX века, когда среди фабричных рабочих также существовало четкое деление на высоко- и низкооплачиваемых.

Разница только в том, что относительно более высокая зарплата в то время хотя бы соответствовала более высокой

квалификации рабочего (передовые питерские металлисты Бабушкин, Шелгунов и др.).

Сейчас же бывает довольно трудно понять, отчего, скажем, оклад у кузнеца меньше, чем у прессовщика. Оттого, что гидравлический пресс был изобретен позже паровоздушного молота?

Парадокс заключается в том, что некоторые особо сложные по форме поперечного сечения кольцевые изделия могут быть изготовлены только с применением предварительнойковки на молотах (в силу большей универсальности молота как орудия).

Т.е. неадекватность оценки многих рабочих профессий просто бросается в глаза. Такое искусственно созданное неравенство, видимо, решает сразу две задачи: во-первых, достигается экономия на заработной плате, во-вторых, возникает разобщенность среди рабочих в пределах цеха, препятствующая выдвижению единых требований. При выполнении кооперированного технологического процесса (когда получаемый полуфабрикат несколько раз перемещается с участка на участок или из цеха в цех) возникают трудности, аналогичные тем, что происходят в офисах крупных компаний при совместной работе, скажем, нескольких департаментов над одним проектом. Появляются ранее абсолютно нехарактерные для заводской атмосферы дразги и склоки, выяснение отношений, деление на «своих» и «чужих» среди рабочих.»

Ну, то, что капитализм атомизирует рабочий класс, в т.ч. путем дифференциации зарплаты, деления на белых, синих воротничков – не новость.

Четкое деление на низко и высококвалифицированных рабочих существовало не только в царской России, но и в СССР. Лещинский забыл, что такое тарифная сетка, что такое разряды?

Разумеется, и в царской России, и в СССР, и сегодня существует деление рабочих на сельщиков и повременщиков. Лещинский лучше бы спросил, почему 15 лет назад топ-менеджеры МДМ-банка получали 3 млн р. в месяц, зам. гендиректора «Мотовилихинских заводов Полупанов получал 800 тыс. р./мес., директор ПермНИПИнефть Лядова получала 500 тыс. евро в год, почему Вагит Алекперов получал 200 тыс. долл./мес. плюс дивиденды, бонусы и пр., а сегодня получают еще больше.

Кстати, молодежь предпочитает учиться на более оплачиваемые профессии. При неразумном распределении фонда оплаты труда высокооплачиваемых становится больше, их зарплата падает. Низкооплачиваемых становится меньше, их зарплата растет... Или Лещинский думает, что зарплаты вычисляются строго научно, путем замер количества движений, часами рабочего времени, коэффициентом трудового участия и т.п., а не получают опытным путем, на рынке?

Кто же Лещинскому свет в окошке?

«Теперь, когда мы кратко разобрали эти условные категории («старые» и молодые, высоко- и низкооплачиваемые), хотелось бы подробнее рассмотреть относительно немногочисленную группу рабочих, положение которых в настоящий момент наиболее благоприятно. Это – довольно еще молодые люди, пришедшие работать приблизительно в конце 90-х годов на смену «старым», успешно перенявшие (а во многом – превзошедшие) их опыт и относящиеся к разряду высокооплачиваемых.

Почти все из них получили (или получают – на деньги завода) высшее образование, и многие проходили стажировку по своей специальности за границей. Они работают на зарубежном высокотехнологичном оборудовании и производят самую дорогую и сложную в изготовлении продукцию (в т.ч. и на экспорт в США и Европу). Их ценит и поощряет начальство – потому что замены им нет. И они прекрасно это понимают. В отличие от остальных рабочих они не боятся за свое будущее. И только им позволено то, за что других увольняют: они могут возражать начальству, и часто оно вынуждено к ним прислушиваться. Именно это сочетание высокой квалификации, довольно высокой зарплаты и возможности относительно свободно высказывать свое мнение позволяет предположить, что перед нами потенциальные представители авангарда рабочего класса. Пока что оснований для этого все же недостаточно, и причина здесь очень проста: в рыночных условиях привилегированный статус их вполне устраивает. Однако, на взгляд автора, по мере разрастания кризиса и ломки существующего положения вещей, скорее всего, именно таким рабочим будет легче осознать свои истинные классовые интересы и разъяснить их коллегам. Напротив, вероятность их будущей конфронтации с остальными рабочими невелика: они еще не успели (и уже однозначно не успеют) оторваться от основной массы и превратиться в замкнутую рабочую «элиту»»

Час от часу не легче.

Стало быть, Данило-мастер – авангард. Как бы попроще-то... Золотые руки есть во всех странах мира, кто выучен за границей, кто сам до всего дошел. И все капиталисты во всех странах мира пытаются избавиться от зависимости от золотых рук, автоматизировать производство. Скажем, раньше были вальцовщики-золотые руки, тяжелая работа, микроны ловили, теперь их заменили автоматом.

В любом городе одна ситуация - когда надо выточить, изготовить какую-либо деталь - все направляют к ОДНОМУ в городе специалисту-слесарю. «Там есть дядя Коля (Миша, Саша) - вот он сможет».

Стало быть, люди, которые довольны тем, что приобрели высокую квалификацию и оттого много зарабатывают... Они что из себя представляют? Напомню, что классовообразующей базой рабочих является производство. Но. Ни гендиректор, ни начальник цеха, ни даже мастер, словом, ни любой столоначальник, работающий на том же производстве, рабочим классом не является. Он является представителем другого класса. Не является рабочим классом и отдельный высокооплачиваемый молодой рабочий. Содержание его труда отличается от содержания труда рядового рабочего, например. содержание труда интеллигента иное, чем у рабочего. Он не является большой исторически сложившейся группой людей, мать твою. А дальше из

соединенных процессом производства рабочих, из класса-в-себе, путем коллективной борьбы за свои права возникает рабочий класс-для-себя... Т.е. тот класс, в котором вызрели единые (не одинаковые!) интересы. Ну, и какие единые интересы могут быть у прикормленных с теми, кто, согласно ленинской теории революции, должен испытать резкое обнищание сверх ОБЫЧНОГО?

«К счастью, рабочий класс и сейчас ещё не потерял основных признаков своей идентичности. Именно об этих, наиболее характерных чертах рабочих в целом и пойдет речь в конце нашего описания. Обобщение здесь будет вполне правомерным, потому что, в конечном счёте, эти черты вырабатываются самими условиями работы в горячем цеху. Каждый, кто хоть раз наблюдал за работой сменной бригады, обращал внимание на чрезвычайную слаженность действий её состава. Это в равной степени относится и к кузнецам на паровоздушном молоте (самая физически тяжёлая профессия), и к операторам поста управления кольцепрокатным станом (самая престижная рабочая профессия на заводе). Приведём примеры. Старший кузнец во время раскатки каждую секунду клещами поворачивает кольцевую заготовку вокруг её оси на 5-7°; в этот самый момент по ней ударяет молот, управляемый машинистом, тогда как подручный кузнеца держит раскатные оправки, своевременно меняя их по мере увеличения внутреннего диаметра. Без всяких датчиков и современных измерительных устройств эти люди обеспечивают точность размеров в пределах 5 мм. Операторы в процессе прокатки на стане регулируют до 15 различных параметров и функций (без учёта вспомогательных), отображаемых на 2-х мониторах, при этом успевают смотреть на получаемое изделие и подкреплять компьютерные данные визуальными (появление трещин, затрудненное формирование профиля). Обеспечиваемая ими точность размеров – до 2 мм. Оба описанных процесса, как правило, длятся не более 2-3 минут. В это время, естественно, могут случаться непредвиденные события, сбои в работе оборудования и пр., которые нужно срочно ликвидировать сообща, т.к. потом брак уже невозможно будет выправить. Стандартное для многих правило, что ошибку исправлять должен тот, кто её совершил, здесь просто не может действовать – такова специфика работы в цеху. Проявления животного эгоизма, столь характерные для большинства людей в экстремальных ситуациях, у рабочих отсутствуют или сведены к минимуму, в чём неоднократно убеждался автор. Интересно, что и все их оценочные суждения о коллегах зависят главным образом от способности последних работать в коллективе. Дух соперничества, конкуренции, подсиживания и т.п. здесь отсутствует начисто. Более того, готовность помочь, заменить, подставить плечо со временем перерастает в глубоко человеческое отношение ко всем, кто в полной мере разделяет с рабочим его трудовые будни. Опять-таки приведём характерный пример. На заводе почти в каждом цеху есть работники, чья дееспособность ограничена (косноязычные, сильно пьющие, наконец, просто «сломанные жизнью»). Обычно они работают на участках сдачи, помогают контролёрам обмерять продукцию, носят штангенциркули, грузят заготовки на передаточные тележки и т.д. Не будет преувеличением сказать, что только в рабочем коллективе эти люди забывают о своей ущербности. Непостижимым образом рабочим удаётся общаться с ними как с равными, обходясь без всякого снисхождения и оскорбительного сочувствия. Но те, кто позволяет себе отпускать хоть сколько-нибудь обидные шутки по поводу таких работников, подвергаются коллективному моральному осуждению колоссальной силы.»

Я знал нескольких рабочих металлургического производства пермского завода им. Ленина. Все вполне здоровые. Один бил свою мать. Другой был связан с бандитами. Третий – про него даже его дети говорили, что жадный, подставить ближнего своего для него – пара пустяков...

В 2007 году ребята из 21-го металлургического (руки, как клещи, солнышко крутят) мне проникновенно говорили: «Боря, если что – поддержим!» Наступил 2008 год. Начальство собралось увольнять 100 рабочих из 600 рабочих цеха. И ни один не вякнул слова против! В 2011 году из-за кретинизма Медведева сократили 11-й металлургический на Пермском моторостроительном. Рабочий-здоровяк, индивидуальнаяковка, оказавшись безработным, умер через неделю. 8 новеньких печек распродали по цене металлолома. Завод не шелохнулся, а рабочие безропотно – главное, сплоченно! – пошли за проходные. В 2013 году на «Мотовилихинских заводах» из-за наваренных цен на металл прикрыли 24-й прокатный. Ни завод не возмутился, ни сами сплоченные рабочие.

«Итак, мы видим, что на сознание рабочих в настоящее время оказывают влияние достаточно разнородные факторы. С одной стороны, постепенное снятие с них ответственности совершенно объективно способствует их деморализации и возникновению пассивного отношения к окружающей действительности; неравенство окладов у различных категорий рабочих дробит рабочий коллектив на враждебные группы; вновь приходящая молодёжь деполитизирована и заражена буржуазной идеологией. С другой стороны, сами условия труда способствуют формированию чувства солидарности и коллективизма; «старые» рабочие имеют возможность сопоставлять опыт жизни в Советском Союзе и горький опыт выживания в 90-е годы, раз и навсегда убедивший их в несправедливости современного российского общества, и могут передать это знание молодым. Какая из перечисленных общих тенденций одержит верх в коллективном сознании рабочих, автор сказать пока не может. Однако на данный момент совершенно ясно, что развивающийся кризис приведёт к полной дискредитации «рыночных ценностей» и резко снизит уровень жизни рабочего класса в целом, а это может способствовать его радикализации. И есть привилегированная группа рабочих, по возрасту находящаяся между «старыми» и

молодыми, не боящаяся начальства, в перспективе способная добиваться своих требований и вести за собой остальных (разумеется, если не остановится производство и заводы не начнут закрываться). Всё это наводит на мысль, что объективно сейчас складываются (или скоро начнут складываться) достаточно благоприятные условия для сплочения рабочего класса и пробуждения его истинного классового сознания. Для осуществления этого необходимо радикальное просвещение.»

Из факторов, которые влияют на сознание рабочего, Лещинский умудрился выделить целых два! Причем один из них – несуществующий в природе: постепенное снятие с рабочего ответственности. Второй же фактор, само производство – постоянно сплывает. Одно непонятно: если производство постоянно сплывает, какого рожна оно не сплотило рабочих в 1991 году, в 1992 году, когда рабочих помели к чертовой матери. Больше того. У шахтеров – не меньше сплывающих моментов, они заняты тяжелым, опасным трудом, курить ходят не по одиночке, как в машиностроении, а вместе. Наоборот, в машиностроении больше разобщающих моментов. Вообще у горняков гораздо больше сплывающих моментов, чем у металлургов или машиностроителей. И что? Эти деятели поддержали Ельцина. А потом Тулеева. Тулеев ушел из КПРФ и стал олигархом. А потом поддержали ставленника буржуазного Правого дела Сергеева. Правда, после Горбатого моста Сергеева пнули, но Правое дело купило шахтеров Воркуты. Те вернули Сергеева, а горняки Североуральска (бокситы) высказали «одобрямс».

Ну, а привилегированную прослойку мы уже навиделись. Это зажиточные докеры, ведомые проамериканским либеральным профсоюзом, который поддержал майдан. Это богатые дальнбойщики, в основном, из Дагестана, работающие по черным и серым схемам и втянутые в наркотрафик. Их тоже ведут либералы. Но самый большой прикол – это радикальное практическое предложение Лещинского – радикально просвещать. Первая программа РСДР отдыхает, в ней сказано, что задача социал-демократов – помощь рабочим в его самоорганизации. Ленин, который призывал учиться у рабочих – нервно курить в сторонке. Маркс, который говорил, что каждый практический шаг дороже дюжины программ, в том числе просветительских – пропеллером в гробу вертится.

Справедливости ради нужно указать, откуда Лещинский почерпнул знание, что делать, читаем «Овеществление и классовое сознание»:

«Выход из кризиса капитализма может указать лишь сознание пролетариата. Покуда этого сознания нет в наличии, кризис остается перманентным, возвращается к своему исходному пункту, повторяется, пока, наконец, после бесконечных страданий, оставленных позади ужасных окольных дорог, история завершит своими наглядными уроками процесс сознания пролетариата и тем самым передаст в его руки руководство историей.» Это типично идеалистическая точка зрения, точка зрения Эдуарда Бернштейна.

Куда собрался Лещинский. Со своим кухонным обывательским просвещением. Но Россия полна идиотов, вот читаем один из восторженных отзывов о статье Лещинского: «Очень нужная и правильная статья». Заодно напомню, что уровень образования рабочих диктуется не наличием философских кружков, а уровнем производства. Которое сегодня разрушено. Следовательно, разрушена и классовообразующая база рабочих.

Если сказать, что состояние российских рабочих сегодня, в том числе бывших советских, из рук вон – значит ничего не сказать.

18 млн советских жизней погубила война. 18 миллионов. Сегодня русские рабочие пашут на бандеровцев. В самую горячую стадию войны Ярославский моторостроительный поставлял армии фашистов дизели для танков, КАМАЗ – военные грузовики, Лукойл и Роснефть – горючее и смазочные материалы для фашистской бронетехники. Плюс поставки запчастей для вертолетов и даже тушенки. На протяжении горячей фазы войны «Мотовилихинские заводы» чинили фашистам попорченные ополченцами «Грады», а теперь всю поставляют Киеву комплекующие для «Градов», чтобы фашисты могли бесперебойно убивать детей в ДНР и ЛНР. Конечно, ведь надо же рабочим своих детушек кормить! За счет страшных смертей детей Донбасса и Луганщины.